

**REPORTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

ISSN 2224-5227

Volume 4, Number 308 (2016), 119 – 123

**THE SENSE OF RELIGION AS A DETERMINANT
(THE EXAMPLE OF CHRISTIANITY)****A. V. Dovgan**Managerial Staff of Culture and Arts, candidate of philological science
a_dovgan@list.ru**Keywords:** sense, sacral sense, variation of sense.

Abstract. The most important function of culture is that it expresses the sense of human existence, or rather – meaning, though socially determined. That is, culture is not only a material substance, but also a spiritual emanation. That is why it is not strange that religion has always been and is an element of culture, postulating as the supreme spiritual individual rise.

The latter is due to the fact that, like the socio-relevant events, having anthropic character and actualize cooperate function, producing similar, even stereotyped, the reaction of others. The very essence of this similarity, the similarity can be found some promise, the essence of which is in the separation of one person other emotions. So, according to some yawn performs designated role: one person yawns, yawns and seeing it the other. Thus, there is a common «platform» for communication, even if the skin color, language and other different.

Undoubtedly, religion is the expression of emotions and, in part, means of transmission to other people, so unbearable torment of Jesus Christ, the Fall horror, joy closer to God and others – all of the above is updated by the general emotive Profile communicants to the perceived pictures. It should be noted that despite the fact that strong emotions are not welcome in Christianity, they are also the root cause of the phenomenon of empathy believers, ensuring their involvement in relation to God. Thus, in the nature of existence of culture in general, and of religion as its component such as manifested itself it (religion) nature, which provides reflexivity (reaction) individuals community within its structure dedicated to a specific socio marked meaning that it (the community) a waft.

**Смысл как детерминанта религии
(на примере христианства)****А. В. Довгань**Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств,
кандидат филологических наук**Ключевые слова:** смысл, сакральный смысл, варьирование смысла.

Аннотация. Наиболее важная функция культуры состоит в том, что она выражает *смысл человеческого существования*, а вернее – смыслы, при этом *социально детерминированные*. То есть культура выступает не только материальной *субстанцией*, но и *духовной эманацией*. Именно поэтому не представляется странным, что религия всегда *была и есть* элементом культуры, постулируясь как высший духовный взлет индивидуума.

Последнее связано с тем, что подобно социально-релевантным явлениям, имеющим *антропный* характер и актуализируют *кооперирующую функцию*, продуцируя *подобность*, даже шаблонность, реакции окружающих. В самой сути этого подобия, схожести можно найти некий *посыл*, суть которого в *разделении эмоций одной личности другими*. Так, по некоторым данным зевок выполняет обозначенную роль: один человек зевает, видя это, зевает и другой. Таким образом, появляется общая «платформа» для коммуникации, даже если цвет кожи, язык и прочее отличаются.

Бесспорно, религия является *выразителем эмоций* и, частично, *средством их передачи* другим людям: так, невыносимые муки Иисуса Христа, ужас грехопадения, радость приближения к Всевышнему и прочее – все вышеперечисленное актуализируется за счет общего *эмотивного профиля* коммуникантов с воспринимаемыми картинками. При этом необходимо отметить: несмотря на то, что сильные эмоции не приветствуются в христианстве, они же являются первопричиной такого явления, как *сопереживание* верующими, обеспечивая их *сопричастность* по отношению к Богу. Таким образом, в характере бытования культуры в целом и религии как ее составляющей в частности проявляется сама ее (религии) природа, которая предусматривает *рефлексивность* (реакционность) сообщества индивидуумов, входящих в ее структуру, посвященных в определенный социально маркированный смысл, который оно (сообщество) в себе несет.

В статье рассмотрены особенности места и роли смысла как детерминанты религии в аспекте специфики его функционирования в контексте христианства.

Постановка проблемы. Для современного общества характерным является *индивидуалистическое направление развития*, которое проявляется в стремлении к актуализации своего «Я», как правило, за счет угнетения «Я» других. В этом контексте особенно важными становятся явления, которые не противопоставляют *экзистенции* (существования личности, переживаемое лишь ею) индивидуумов один другому, а, наоборот, *кооперируют* (объединяют) отдельных человеческих особей, создавая что-то типа пересечения «двух миров», живущих в середине разных личностей.

Такой *кроссовер* (сюжет литературного, кинематографического и иных произведений, в которых происходит смешение персонажей и/или локаций разнообразных произведений искусства), как правило, продуцируется *социальностью смысла*, лежащего в основе существования любой произвольной личности, а также наличием цепочки точек-маркеров, которые являются релевантными (важными) для отдельного индивидуума. Таким образом, очерченное «золотое сечение» актуализируется за счет нахождения *общих смысловых детерминант* (составляющих, компонентов, определителей и так далее) в структуре взаимодействующих личностей.

Наиболее важная, с нашей точки зрения, функция культуры состоит в том, что она выражает *смысл человеческого существования* [7, с. 347], а вернее – смыслы, при том *социально детерминированные*. То есть культура выступает не только материальной *субстанцией* (тем, что существует самостоятельно), но и духовной *эманацией* (в философии – концептуальный термин, обозначающий происхождение Универсума (Вселенной) через проистечение последнего из безграничного первоначала, Единого (Божества)). Именно поэтому не представляется странным, что религия всегда *была и есть* элементом культуры, постулируясь как высший духовный взлет индивидуума.

Последнее связано с тем, что подобно социально-релевантным явлениям, имеющим *антропный* (то есть человекоизмерительный) характер (имеется в виду физиологичность рефлексии в системе «раздражитель – реакция»: смех, слезы, крик, зевание и прочие) и актуализируют *кооперирующую функцию*, продуцируя *подобность*, даже шаблонность, реакции окружающих. В самой сути этого подобия, схожести можно найти некий *посыл*, суть которого в *разделении эмоций одной личности другими*. Так, по некоторым данным зевок выполняет обозначенную роль: один человек зевает, видя это, зевает и другой. Таким образом, появляется общая «платформа» для коммуникации, даже если цвет кожи, язык и прочее отличаются.

Бесспорно, религия является *выразителем эмоций* и, частично, *средством их передачи* другим людям: так, невыносимые муки Иисуса Христа, ужас грехопадения, радость приближения к Всевышнему и прочее – все вышеперечисленное актуализируется за счет общего *эмотивного профиля* коммуникантов с воспринимаемыми картинками. При этом необходимо отметить: несмотря на то, что сильные эмоции не приветствуются в христианстве, они же являются первопричиной такого явления как *сопереживание* верующими, обеспечивая их *сопричастность* по отношению к Богу. Таким образом, в характере бытования культуры в целом и религии как ее составляющей в частности проявляется сама ее (религии) природа, которая предусматривает *рефлексивность* (реакционность) сообщества индивидуумов, входящих в ее структуру, посвященных в определенный социально маркированный смысл, который оно (сообщество) в себе несет.

Показательно, что христианское вероучение, определившее переход мировой культуры на новый духовный уровень, позволило сформулировать такие понятия, как *моральная* и *духовная красота*. Красота материальная, воспринимаемая чувственно, толковалась и репрезентировалась *дуально* (двоично) как отблеск и результат божественного творчества с одной стороны, и как источник чувственных желаний и помыслов – с другой [5, с. 16]. Тут необходимо отметить, что христианство сформулировало не столько сами понятия моральной и духовной красоты, сколько *концепты этих явлений*, то есть *детерминанты смыслов*. Понятно, что кроме собственно овладения *самими смыслами* (в частности, сакральными), верующий получает *смыслоразличительную способность* к дифференциации (расслоению) последних (смыслов): восприятие продуктов близких к идеям религиозного сообщества и локализацию (обнаружение), а также дальнейшее отторжение смыслов чужеродного.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопрос функционирования смысла в контексте культурологии освещен в работах: арх. Августина (Никитина), А. Галушко, И. Криари-Катрани, прот. И. Мейендорфа, Е. Олейниковой, А. Петрова, Р. Руповой и других.

Формулирование целей статьи (постановка задания). *Целью* статьи является рассмотрение особенностей места и роли смысла как детерминанты религии. *Предметом* – специфика его (смысла) функционирования в контексте христианства.

Изложение основного материала. Византийское искусство сложилось под влиянием двух сил; в его основе лежала *эллинская традиция*, постоянно повергающаяся могущественному восточному влиянию. Так, влияние Востока проявилось в стремлении византийского искусства стать искусством плоскостным: оно низвергло античную полноту скульптурных форм к слабому рельефу [5, с. 16]. Такая двузначность, в первую очередь связана с духовным первоначалом *сакрального* (священного, посвященного богам) *смысла*, лежащего в основе любой религии (в частности, христианства) и плотской природой физиологии человека, являющегося ее (религии) носителем. При этом логично, что смысл в религии исполняет *кооперирующую роль*, то есть продуцирует появление средоточий, аккумулирующих массу людей, им (смыслом) объединенных.

Таким образом, закономерным является важное значение Афона в истории духовной жизни православных церквей: начиная от эпохи средневековья и до на наших дней Святая Гора славится строгим аскетизмом своих насельников, ведущих тут жизнь, полную трудов и молитв [1]. Однако этим, понятно, все не исчерпывается: присутствуют тут и политические мотивы, поскольку «Республика монахов», как еще называют Афон, представляет интерес для исследователей не только теологии, социологии, психологии и так далее. Последнее объясняется тем, что присутствие на Святой горе всегда было, есть и будет механизмом внешнеполитического влияния государств, задействованных в решении восточного вопроса [2, с. 40]. То есть можно постулировать, что средоточия религиозных смыслов, кроме сакральности, несут в своей природе определенный социально-политический вес, делающий их привлекательными объектами поглощения внецерковными (светскими) структурами. Это связано не столько с самим смыслом, сколько с его *интерпретированием* многочисленными служителями, поскольку его (смысла) *варьирование* представляется той платформой, на основании которой происходит экстраполяция (перенесение) сакрального смысла на бытовые реалии прихожан.

Тут следует сказать, что первичная роль Афона на территории, в первую очередь, СНГ, объясняется, кроме собственно духовных, еще и исторической обусловленностью, а именно двумя главными событиями, устоявшими отношения русичей и греков. Во-первых, *создание кириллического алфавита* равноапостольными монахами из Солуни Кириллом и Мефодием, создавшими, приспособившими и обучившими славян системе письма, используемой для записи переводного христианского вероучения Евангелия и божественной литургии. Во-вторых, *крещение Руси* князем Владимиром в 988 году нашей эры, в результате чего произошло общее укрепление греко-славянских отношений. После этого на территории Руси обосновались ученые, священнослужители и опытные мастера из Греции, которые стали обучать русичей иконописи, искусству вышивания, золотому и серебряному делу для изготовления церковной начинки, и архитектурным канонам – для строительства первых храмов [3, с. 199]. Таким образом, произошло становление нового христианского сакрального смысла на территории Киевской Руси, требовавшего формального выражения своего содержания – упомянутая церковная начинка, одежда, структура богослужбных отправлений и прочее. Однако его бытование было осложнено противопоставлением осколкам языческого наследия, часть которого впоследствии была успешно ассимилирована (вмонтирована, адаптирована) христианством в качестве его компонента.

Закономерно, что связи, появившиеся между славянской и греческой сторонами, имели не только *идеальное* (смысловое) начало, но и, собственно, самое что ни есть *земное* (эмпирическое): в первую очередь, это *переосмысление мировосприятия* славян. Упомянутый процесс, конечно же, базирован на отходе от языческой анимистично-ментальной картины мира. Так, международные связи углублялись, стратифицируясь (расслаиваясь) на культурные, политические, экономические и прочие. Византийские клирики и дипломаты постоянно посещали Русь, а славянские паломники и купцы бывали в Византии и других центрах средневекового Восхода. Поэтому не удивительно, что большая часть литературных – церковных и светских – произведений была известна русичам в

переводах с греческого. Византийские мастера украшали церкви и учили местных иконописцев [4, с. 516], а греческие произведения стали эталоном для наследования, продуцируя развитие местных (славянских) форм.

Если говорить конкретно по поводу Украины, то в дальнейшем связи с Афоном постоянно крепили, продуцируя появление многочисленных выходцев с этой страны, прославившиеся своими молитвенными подвигами на Святой Горе [1]. Также значительное влияние констатируем в литературной плоскости: так, типичной была ситуация, когда идеи, изложенные в оригинальной славянской литературе должны были быть подкреплены византийскими произведениями, будучи без них как бы *неполноценными*. При этом и в самой Византии можно было наблюдать тенденцию к *стратификации господствующего смысла*, когда одновременно сосуществовало необоримое и несовместимое противоречие в середине стремлений и вкусов общества, которое одновременно восхищалось красотой роскошных блестящих тканей и драгоценных камней, ценило внешнюю привлекательность своих правителей, оставляя без внимания их происхождение [5, с. 16–17]. Отметим, что, как мы уже писали выше, общество русичей имело довольно неоднородный характер: определенное время можно было наблюдать *интерференцию* (взаимоналожение) *смысла*, бытовавшего на просторах Киевской Руси: один сакральный (языческий) смысл перемешивался, конкурировал с христианским. Очерченная тенденция сохранилась и до наших дней, когда череда языческих праздников органично перешла в православный календарь, сменив свои названия и значения, представ в виде христианских действий.

Выводы. Таким образом, христианский (православный) выбор, сделанный Русью в X столетии, обозначил вектор славяно-греческих отношений на дальнейшие столетия. Эти отношения развивались на протяжении тысячелетий и прошли несколько этапов. Первый из них характеризуется комплексом всех возможных контактов: экономических, культурных, политических, династических, религиозных и прочих. XIII столетие оказалось важным рубежом, когда прямые славяно-греческие связи заметно минимизировались, а их содержание постепенно свелось к паломничеству со стороны славянских земель и внутрицерковным отношениям Всемирной Патриархии. Вместе с тем, славянские земли демонстрируют удивительный феномен, когда в условиях ослабления непосредственных контактов существенно выросла ментальная зависимость от Византии как оплота православного мира [6, с. 45]. В первую очередь, это привело к комплексу *малозначительности смысла* (в частности, сакрального), происходящего из славянских земель, в пользу греческого: так, *имманентный* (свойственный природе самого предмета, внутренний) *смысл* насыщает череду преломлений личности, создавая, собственно, *патос* (для Аристотеля – изменение любого предмета под давлением внешних влияний, не касающихся его сути) ее сознания.

То есть можно сделать вывод, что любой смысл (в частности, сакральный) является детерминантой произвольной сферы человеческого бытия. При этом первичной со всех сфер представляется религия как социальная, психологическая, философская и прочие детерминанта, представляющая языковую, а не онтологическую реальность. Сон разума порождает чудовищ: в таком контексте смысл представляется светом, заставляющим их отступить в тень.

Следовательно, сакральный смысл – не совокупность номинированных (поименованных) языковых единиц, структурированных своим значением; это духовный источник, позволяющий переоценить, пережить заново и так далее индивидууму свою жизнь (протяженность своего «Я» в пространстве реальности), сменив языковую картину мира путем переустановки базовых коммуникативных, номинативных и прочих директорий, то есть изменить мировосприятие.

Перспектива. В начале третьего тысячелетия христианской эры накопились новые проблемы, требующие осовремененного понимания через переосмысление культуропроизводящей роли христианства в современных условиях [7, с. 347]. В таком смысле первичной перспективой очерченного исследования является увеличение роли духовной, а не материальной составляющей жизни отдельного индивидуума посредством исследования механизмов функционирования сакрального смысла в социуме. Последнее позволит актуализировать механизмы взаимодействия индивидуальности и религии в контексте современности, обогатив актуальную материальную культуру вечными духовными ценностями, существенно ее этим улучшив.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Августин (Никитин), арх. Афон и русская православная церковь (обзор церковно-литературных связей): [электронный ресурс]. Богословские труды: научно-богословский журнал РПЦ, выпускаемый Издательством Московской Патриархии, Электрон. данные, Режим доступа: http://www.btrudy.ru/resources/BT33/76_Augustin.pdf, Название с экрана.

[2] Галушко А. Ю. Святая гора Афон как элемент балканской дипломатии России в конце XIX – начале XX века, Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Российской Федерации, 2014, Вып. 23, С. 34–43, Библиогр.: 14 назв.

[3] Криари-Катрани И. Культурные отношения России и Греции. История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: посвящается 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией. Материалы конференции, Афины, Москва: РФК-Имидж Лаб, 2008, С. 199–206.

[4] Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж: YMCA-PRESS, 1990, 227 с.

[5] Олейникова Е. А. Культурно-эстетические традиции Византии в основе православного средневекового искусства. «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки»: электронный сборник статей по материалам XVII студенческой научно-практической конференции, Новосибирск: Изд-во «Сибак», 2014, С. 15–21, Библиогр.: 5 назв.

[6] Петров А. Е. Русско-греческие связи в XIV в.: идеология и повседневность. История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: посвящается 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией. Материалы конференции, Афины, Москва: РФК-Имидж Лаб, 2008, С. 45–50.

[7] Рупова Р. М. Духовная традиция Восточного христианства: социально-философский ракурс. Гілея: науковий вісник, 2014, Вип. 82, С. 347–351, Бібліогр.: 17 назв.

REFERENCES

[1] Avgustin (Nikitin), arh. Afon i russkaja pravoslavnaja cerkov' (obzor cerkovno-literaturnyh svjazej): [jelektronnyj resurs]. Bogoslovskie trudy: nauchno-bogoslovskij zhurnal RPC, vypuskaemij Izdatel'stvom Moskovskoj Patriarhii, Jelektron. dannye, Rezhim dostupa: http://www.btrudy.ru/resources/BT33/76_Augustin.pdf, Nazvanie s jekrana.

[2] Galushko A. Ju. Svjataja gora Afon kak jelement balkanskoj diplomatii Rossii v konce XIX – nachale XX veka, Aktual'nye problemy vneshnej i vnutrennej politiki Rossijskoj Federacii, 2014, Vyp. 23, S. 34–43, Bibliogr.: 14 nazv.

[3] Kriari-Katrani I. Kul'turnye otnoshenija Rossii i Grecii. Istorija rossijsko-grecheskikh otnoshenij i perspektivy ih razvitija v XXI veke: posvjashhaetsja 180-letiju ustanovlenija diplomaticheskikh otnoshenij mezhdou Rossiej i Greciej. Materialy konferencii, Afiny; Moskva: RFK-Imidzh Lab, 2008, S. 199–206.

[4] Mejendorf I., prot. Vizantija i Moskovskaja Rus': Oчерk po istorii cerkovnyh i kul'turnyh svjazej v XIV veke. Parizh: YMCA-PRESS, 1990, 227 s.

[5] Olejnikova E. A. Kul'turno-esteticheskie tradicii Vizantii v osnove pravoslavnogo srednevekovogo iskusstva. «Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletija. Gumanitarnye nauki»: jelektronnyj sbornik statej po materialam XVII studencheskoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Novosibirsk: Izd-vo «Sibak», 2014, S. 15–21, Bibliogr.: 5 nazv.

[6] Petrov A. E. Russko-grecheskije svjazi v XIV v.: ideologija i povsednevnost'. Istorija rossijsko-grecheskikh otnoshenij i perspektivy ih razvitija v XXI veke: posvjashhaetsja 180-letiju ustanovlenija diplomaticheskikh otnoshenij mezhdou Rossiej i Greciej. Materialy konferencii, Afiny; Moskva: RFK-Imidzh Lab, 2008, S. 45–50.

[7] Rupova R. M. Duhovnaja tradicija Vostochnogo hristianstva: social'no-filosofskij rakurs. Gileja: naukovij visnik, 2014, Vip. 82, S. 347–351, Bibliogr.: 17 nazv.

АНЫҚТАУШЫ РЕТІНДЕ ДІННІҢ МАҒЫНАСЫ (ХРИСТИАНДЫҚ МЫСАЛЫНДА)

А.В. Довгань

Мәдениет және өнер жетекші кадрларының ұлттық академиясы,
философия ғылымдарының кандидаты

Түйін сөздер: мағына, мінәжат мағына, мағына түрлендіруі.

Аннотация. Мәдениеттің ең маңызды функциясы – адам болмысының мәнін білдіру, яғни, дәлірек – мағынасы, бұл жағдайда әлеуметтік анықталған. Яғни, бұл мәдениет материалдық зат қана, емес, сонымен қатар рухани эманация болып көрсетіледі. Дін әрқашан индивидуумның жоғарғы рухани ұшуы ретінде мәдениеттің элементі болып саналады.

Соңғы ұқсас, тіпті стереотиптік қоршаған реакция өндіретін, салдарынан антроптық сипаты бар және функциясын ынтмақтасуға өзектендіру, әлеуметтік-тиісті іс-шаралар сияқты, бұл шын мәнінде байланысады.

Мақалада христиан тұрғысында оның жұмыс істеу ерекшелігі аспектіде мағынасын анықтаушы ретінде діннің орны мен рөлінің мүмкіндіктері қарастырылған.

Поступила 26.06.2016 г.